

Проблемы исторической поэтики: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Сб. науч. тр.

А. М. ГРАЧЕВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург

БИБЛЕЙСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ДНЕВНИК А. М. РЕМИЗОВА 1917—1921 гг.

В течение всей жизни Ремизов вел дневники, из которых уцелели по разным причинам далеко не все. Однако сохранился, пожалуй, наиболее значимый из них, относящийся к 1917—1921 гг.¹ Этот Дневник велся для себя, и, одновременно, факт его написания изначально осознавался Ремизовым как создание документа эпохи, не только фиксирующего происходящее, но и отражающего точку зрения «очевидца» и «свидетеля». Неслучайно, почти сразу же, с августа по декабрь 1917 г., часть его в трансформированном виде была опубликована под заглавием «Всеобщее восстание. Временник»².

Как показал анализ этого Дневника и его первой творческой переработки, в 1917 г. историческая реальность заставила Ремизова вновь обратиться к поиску исторических аналогий. Писатель не был оригинален в определении современности как нового Смутного времени, но он, как никто из литераторов, внимательно «оглянулся» на прошлое, чтобы через его лики предугадать облик грядущего, суженного России. Непосредственными источниками сведений о событиях начала XVII в. для Ремизова были «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.

□© Грачева А. М., 2001

¹ Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 407—549. Далее страницы указываются в тексте в скобках после цитаты.

² Ремизов А. Всеобщее восстание. Временник. 1. Суспиция. 2. Кровавый мор. 3. Звезда сердца // Народопривство. 1917. № 5. 1 авг.; 4. По ратным мукам. 5. Между сыпным и тифозным. 6. Огненная мать-пустыня // Там же. № 10. 25 сент.; 7. Язык запал. 8. Тощета великая. 9. Хлеба // Там же. № 12. 16 окт.; 10. Суд непосужаемый. 11. На своей воле. 12. Красный звон // Там же. № 18—19. 25 дек.

453

(Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» С. Ф. Платонова³ и издание того же автора «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени»⁴.

Название, данное первой публикации дневниковых записей, отсылало к одному из существенных документальных свидетельств эпохи русской Смуты начала XVII в. — «Временнику» дьяка Ивана Тимофеева. «Временник» был известен Ремизову по исследованиям и публикации С. Ф. Платонова и ранее уже использовался писателем как один из источников повести «Пятая язва». Выбор такого названия объяснялся не только его емкостью и оригинальностью звучания для читателя XX в. Использование заглавия именно этого произведения было одновременно и своего рода эстетическим жестом, выявлявшим авторскую позицию через ее типологическое сходство с позицией древнерусского публициста. Как отмечал Платонов, «Тимофеев — исключение среди пишущей братии его времени: он всех откровеннее, он простодушно смел, искренен и словоохотлив. Все прочие умеют сдерживать свою речь настолько, что ее смысл становится едва уловимым; они предпочитают молчать, чем сказать неосторожное слово»⁵. Опираясь на исторические свидетельства и их научное осмысление, Ремизов видел в личности Ивана Тимофеева образ писателя, который не мог хранить «безумное молчание» в момент, когда решалась судьба России, и ощущал себя наследником

этой публицистической традиции.

Еще в середине 1900-х гг. у Ремизова в общих чертах сформировалось представление об историческом процессе как процессе развития народной души, которому присуща не механическая динамика прямолинейно восходящего, поступательного движения, а как бы постоянное вращение внутри системы кругов, одновременно и сходных, и отличных друг от друга. В основе подобных воззрений Ремизова лежали и философские учения нового времени (и прежде всего философия Ф. Ницше), и христианские (в первую очередь, — эсхатологические) представления.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899.

⁴ Платонов С. Ф. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13.

⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 212.

454

На новом этапе историософская концепция Ремизова претерпела существенные изменения. Ранее, во времена, близкие к событиям революции 1905 г., в основе его теологических воззрений лежало еретическое по своей сути представление — авторский миф о невоскресшем Христе. Спроецированное на predeterminedность исторической судьбы России и ее народа это представление обуславливало тупиковость пути «затворенного», «псоглавого» народа. Сборник ремизовских апокрифов «Лимонарь» 1907 г. заканчивался картиной тотальной победы мирового Зла.

В 1910-е гг. безысходный пессимизм Ремизова трансформировался в осознание телеологической миссии страдания. Крестный подвиг Христа — провиденциальный символ пути России, страны «крестовых» сестер и братьев. Ее развитие проходит по кругам очищающих ее страданий. Именно в этом для писателя заключалось «оправдание» мук народа, в этом — надежда на чаемое воскресение души России. Подобная концепция изначально предопределила восприятие Ремизовым попытки насильственного создания нового мира. В дневниковой записи от 11 июня 1917 г. он отмечал:

Всегда были и есть взыскующие Града Грядущего, желавшие устройства жизни человеческой по правде, т. е. устройства Царствия Божья на земле. Одни отодвигали наступление такого блаженного состояния мира к страшному суду и даже срок ставили — тысячелетие. Другие напротив, не отодвигая так неопределенно далеко, надеялись, что рано или поздно Царствие Божие наступит на земле. И все это полагали в сем веке временном. // А в действительности, Царствие Божие наступало на земле и не для всех, а островами. И наступление его было в зависимости от силы любви и гнева человеческого. <...> Когда услышан был призывающий голос: Время просит страдания, тогда и началось Царствие Божие. // И было бы ошибочно думать, что Царствие Божие это какое-то справедливейшее устройство на земле, какие-то дома и храмы и конечно отхожие места самого последнего слова. <...> Вся сила ума человеческого направлена на то, чтобы облегчить внешние средства общения между людьми, <...> люди теряют пути к духовному общению и притупляется духовное проникновение и сила любви и гнева. И это поведет к тому, что общаемость духовная естественно прекратится, и ангелы забудут пути к людям и земля провалится, как Содом и Гоморра. // Для того, чтобы наслаждаться в Царствии Божием, при утонченной совести — надо не иметь совести — и вот Божия Матерь, как воплощение совести, хождение ее по мукам и есть образец того, что никогда не осуществимо Царствие Божие при наших условиях на нелегкой земле (437—438).

455

Писатель не принял ни Февральской революции, ни Октябрьского переворота. В этих событиях он видел закономерные этапы трагического слома в общем историческом развитии России. Отношение писателя к революции как таковой

определилось еще в 1900-е годы. В притчевом виде оно было выражено в первой редакции сборника «Лимонарь». Революция представляла в символических образах вихря, переходившего в безумную бесовскую пляску, а под конец оборачивалась тотальным разрушением Божественного миропорядка.

В последующие годы Ремизов развивал свою концепцию, углубляя ее за счет постоянного чтения и творческой «аккумуляции» исторических, и главным образом, древнерусских источников. В Дневнике Ремизова реалии и лица периода Смуты XVII в. постоянно возникали как символические соответствия событиям и героям современности. Исторической основой такого параллелизма была концепция Платонова, рассматривавшего Смуту как социальный катаклизм, в ходе которого «произошла <...> смена господствующего класса и исчезли последние остатки старого социального режима»⁶. Объясняя истоки своего интереса к этому историческому периоду, ученый отмечал: «Мне представлялось, что это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией. Естественным казалось взяться прежде всего за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить в древнейшие эпохи, или спускаться в новейшие времена»⁷. Русская история XVII в. стала для Ремизова «путеводной нитью» при прохождении через круги того *Inferno*, в который погрузилась Россия.

Для писателя главный критерий оценки исторического деяния — его соответствие органическому, провиденциальному процессу развития народного самосознания. Складывание государственности — «собрание Русской земли» — по сути есть проявление того же процесса. Фиксируя события февральских дней 1917 г., Ремизов отмечал:

...весь вечер, все часы, все минуты одна дума: о России, сумеет ли устроиться? Ведь, народ темен. Бродят. Куда добредут? <...> Вместо того, чтобы дружно укрепить право и порядок,

⁶ Там же. С. 568.

⁷ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. XIV—XV.

456

выпускают листки, и говорят всякую ерунду, несообразности, говорят о земле до всяких учредительн[ых] собраний. Темь, темь жуткая. И потом мне что-то через воздух почуялось, что-то против души моей русской. И я укрепил в себе это русское (419—420).

Для Ремизова «темнота» сознания русского народа — т. е. его реальное состояние — это та объективная реальность, которую надо учитывать и уважать при любых попытках изменения пути России. В противном случае они превращаются в ничем не оправданное насилие.

Февраль 1917 г. — нарушение «порядка», начало Смутного времени. С первых послереволюционных дней писатель ощущал случившееся как результат манипулирования народной темнотой, осуществляемого небольшой кучкой людей во имя своих узко групповых целей. Вспоминая древнерусскую «Повесть временных лет», он называет образовавшееся правительство — «Временное». В июньских записях 1917 г. Ремизов отмечал:

«Петербург это какой-то тушинский лагерь». <...> Русские люди в смуту до того были вероломны, что даже получили имя *перелеты*. <...> Иногда на меня приходит уныние, что русское дело пропало, что тушинцы, увлекая за собой чернь пряниками, сотрут нас, погибнет и литература русская: спрос пойдет на потаковнические мазки и кинематографическую легкость. Но я утешаю себя метлою: чую всей душой что еще один захват еще одна боль и метла подымется и сметет самоизбранников (437—438).

Для Ремизова Октябрь — историческое следствие Февраля, так же как восстание Болотникова — последствие явлений Самозванцев, претендовавших на выражение

воли русского народа. Запись от 6 июня 1917 г. свидетельствует: «Если Ленин это Болотников, то Блейхман (булочник-анархист. — А. Г.) это атаман Хлопок, для которого разбой — социальный протест» (433). В это время Ремизов неоднократно перечитывал труды о Смуте С. Ф. Платонова, что вело к бессознательной цитатности его мышления. Сравним приведенную выше характеристику исторических персонажей 1917 г. с оценкой явлений XVII в. ученым: «...хищничество богатых <...> придавало простому разбою вид социального протеста. Именно таким характером отмечена была деятельность разбойничьего атамана Хлопка»⁸.

⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 256.

457

Изначально Ремизов воспринимал все происходящее с Россией в эсхатологическом контексте. В записи от 3 сентября 1917 г. читаем:

Теперь стало ясно: Россия погибнет. Она должна искупить грехи свои. И я готов принять эту кару со всем народом русским. <...> Все ценности не переоценены, а подменены. <...> Б[ог] покарал. <...> Суд совершился. Люди не видят, как их тащат на муку. <...> И в темнице Россия задумается. Русским людям надо принять эту темницу. Но многие — силы времени сего не разумеют и от неразумия своего горько поплатятся. Терпеливо прими судьбу свою. <...> Россия будет побеждена. И русское царство затаится. <...> И русским людям одно остается — молитва. <...> Решилась Россия (461—462).

В записях Ремизова современность представляла не только сквозь призму исторических параллелей, но и в облике «последних времен». Тема конца мира и наступающего Страшного Суда — одна из сквозных тем Дневника, пронизывающая записи и событий реальности, и сновидений.

В годы революции на основе свойственной Ремизову способности ночью заново переживать дневные события, предстающие в причудливо трансформированном виде, возник психологический феномен, зафиксированный Дневником. В снах Ремизова впечатления от подчас апокалиптических событий революционной действительности соединялись с воспоминаниями о пластически зримых картинах эсхатологических сочинений. В результате возникали видения, по масштабу и образности сходные с видениями древних авторов. Таково, например, ремизовское мартовское сновидение 1919 г.:

Снилось мне <...> вижу на небе огромный ключ <...> ключа уже нет, исчез, а на его месте Б[ожья] М[атерь] такая же, как ключ, железная. // — Посмотрите Б[ожья] М[атерь] теперь! // А в это время и Б[ожья] М[атерь] исчезла, а стоит Христ[ос] золотой с огромным посохом и говорит: // — Становитесь на колени, сейчас будет конец света. // И тут же [?] люди оказали[сь], стали на колени. <...> Все стали на колени (483).

Запись подобных подлинных видений подтверждает, что средневековый символизм стал органичной частью не только художественного сознания, но и подсознания писателя.

По Ремизову, случившееся в России — проявление уже происходящего высшего Суда над русским народом. Еще 10 июня 1917 г. он записал: «Совершается дело Божие. Идет суд нечеловеческий» (437). Россия погружается в мýку,

458

но через страдание придет очищение, которое есть залог грядущего Воскресения.

Ощущение катастрофизма, присущее многим, чутким к духу времени литераторам, у Ремизова обрело «историческую базу» в видениях и пророчествах древнерусской эсхатологической литературы. Писатель осознавал себя не только свидетелем истории, но и избранником — тем, кому, подобно древним пророкам, предназначено поведать современникам о трансцендентной сути происходящего. Так в записи от 15 сентября 1918 г. он дал оценку Брестского мира в форме

эсхатологического предзнаменования как одного из событий «последних времен»:

Заключен мир. У победителей полная сытость: хлеб и чай и благодушие. И над всем орлом <...> заносит бес. Нате выкусите! Вот вам плоды кровавые, вот вам <...> революция. Провидц[ы] уйдут в горы. А вихрь выше поднимется. И будет кружиться, темный (464).

В 1917—1921 гг. Ремизов вновь и вновь перечитывал свои многолетние «конспекты» апокрифических сочинений. «Зло и распря», «деяние Сатаны мир весь»⁹ — приписал он в эти годы на «конспекте» «Видения Исаии». Это произведение имело особое значение для его писательского самосознания. Начав пророчествовать, Исаия «вънезапу умълъче и къ тому не видяше стоящихъ прѣдъ нимъ; очи же его бѣшете отвъръстѣ, уста же затворена. Обаче въдуновенние духа бѣаше съ нимъ <...> Видѣние же еже видѣ не бѣаше отъ вѣка сего, не отъ потаенаго отъ всякоя плѣти. И егда прѣста отъ видѣния и възвратися въ ся и повѣда...»¹⁰. И пока это было возможно, пока «уста» были не «затворенными», Ремизов обращался к современникам со словами утешения, предупреждения и пророчества.

---

⁹ РНБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2.

¹⁰ *Тихонравов Н. С.* Апокрифические сказания. СПб., 1894. С. 33.